

Чи Сянь и Шастер оцепенели.

И когда Ся Пэньюэ и остальные инстинктивно повернули головы, перед ними предстала живописная картина: двое мужчин застыли в крепких, почти интимных объятиях.

Ся Пэньюэ и его спутники лишь безмолвно таращились на них.

Дано: когда груда мусора взлетела на воздух, зацепить должно было каждого.

Если говорить об отношениях, Чи Сянь видел Шастера всего дважды.

В то время как они сами... ну, если округлить, уже прошли вместе огонь и воду.

И главное — ближе всех к Чи Сяню стояли именно они.

Итог: их с ног до головы засыпало отходами, а Чи Сянь в этот момент мертвой хваткой прижимал Шастера к груди, защищая от грязи.

Следовательно: в миг взрыва Чи Сянь без колебаний бросил своих верных товарищей на произвол судьбы ради того, чтобы уберечь Шастера.

Следовательно: в сердце Чи Сяня этот заезжий градоправитель стоит куда выше их всех, вместе взятых.

И, наконец, вывод...

Ся Пэньюэ и остальные синхронно повернулись к мисс Салине и застали эпичную картину: та брезгливо стаскивала с головы невесть откуда прилетевшую зеленую шляпу и швыряла ее на землю.

Ся Пэньюэ и остальные хранили гробовое молчание.

Окончательный вывод: мисс Салина совершила тактическую ошибку, просто выбросив эту шляпу.

Ей следовало бы крепко задуматься, почему на них посыпались банальные куриные перья да гнилые капустные листья, а ей на макушку приземлился именно этот головной убор — общеизвестный символ рогоносцев. Не знак ли это свыше?

Хотя стоп...

Разве в этом дело?

Суть-то в другом: Чи Сянь и Шастер... крутят роман?!

Да как такое вообще возможно?!

В следующее мгновение Чи Сянь и Шастер опомнились. Почти одновременно, неловко и поспешно, они оттолкнули друг друга.

Картина один в один напоминала сцену из дешевой мелодрамы, где тайных любовников застукали строгие родители.

Значит, они точно любовники!

Ся Пэньюэ и остальные онемели от шока.

Но постойте, у Шастера ведь есть невеста! Неужели их великий Бог Чи опустился до такой низости и бесстыдства?..

Нет, Чи Сянь просто не мог быть таким человеком. Наверняка здесь какое-то недоразумение.

Переводя взгляд с Шастера на Чи Сяня, а затем на мисс Салину, спутники пытались увязать концы с концами.

Постойте-ка... А почему мисс Салина выглядит такой спокойной? Никакой ярости на лице.

К тому же, когда рвануло, Шастер даже не подумал защитить свою нареченную.

Может, в этой помолвке есть второе дно? Например, обычный династический брак по расчету.

Стоило им вспомнить о происхождении Шастера, как пазл в их головах мгновенно сложился. Да и Салина, судя по всему, прекрасно обо всем осведомлена.

Ну, тогда все в порядке!

Только вот... раз уж их босс нашел себе пару, не пора ли им, преданным подчиненным, как-то поспособствовать их счастью?

Мысли Ся Пэньюэ и компании унеслись в совершенно дикие дебри.

Мисс Салина стояла с каменным лицом. Она вовсе не была хладнокровной — её просто парализовало от увиденного. Все логические выводы, которые только что сделали Ся Пэньюэ и остальные, с тем же успехом пронесли и в её голове.

Получается, Шастер ей изменяет? Прямо у неё на глазах?!

Лицо Салины на мгновение исказилось от досады. Но уже в следующую секунду до неё дошло.

Постойте... Их помолвка ведь фиктивная!

«Ах, ну да, тогда плевать!» — мысленно хмыкнула она.

Более того, на душе у неё даже полегчало. По догматам Храма Светлого Бога однополая любовь считалась скверной, за которую полагался костер инквизиции. Если Шастер действительно предпочитает мужчин, им больше не нужно опасаться, что он пойдет на попятную и сдаст их Церкви. Теперь их союз стал поистине нерушимым.

Но если Шастер и Чи Сянь вместе, зачем было устраивать этот цирк и объявлять её своей невестой прямо при любовнике?

В голове Салины мгновенно выстроилась идеальная драма: эти двое, должно быть, крупно поссорились, и Шастер в отместку выдумал невесту, просто чтобы заставить Чи Сяня ревновать...

От этой мысли на лицо Салины вернулась прежняя изысканная маска благовоспитанности. Она даже улыбнулась — так тепло и понимающе, словно была готова благословить Шастера хоть на десяток подобных «измен». В конце концов, теперь она получит свои полпроцента прибыли с абсолютно чистой совестью!

Заметив, что окружающие вроде бы не усмотрели в случившемся ничего предосудительного, Чи Сянь и Шастер незаметно перевели дух.

«Впредь нужно держаться от него подальше», — одновременно подумали они, обменявшись быстрыми, настороженными взглядами.

В этот момент к месту происшествия подоспел патруль городской стражи.

— Что здесь произошло? — выкрикнул командир, но, разглядев Шастера и Чи Сяня, поспешно соскочил с лошади и склонился в поклоне: — Приветствуем вас, господин градоправитель, уважаемый Чи Сянь, господин Кейт...

Только теперь до Ся Пэньюэ и остальных дошел весь масштаб ситуации. Выходит, на них

только что совершили покушение?

Их глаза мгновенно загорелись восторгом. Для простых смертных вроде них это был совершенно новый, неопиcуемый опыт. Покушения — это ведь удел великих мира сего, разве нет?

Впрочем, радость угасла так же быстро, как и вспыхнула. До них дошло, что они получили лишь «демо-версию» покушения, продлившуюся от силы пару секунд. Ся Пэньюэ разочарованно вздохнул, но тут же мысленно обругал себя за глупость. Радоваться надо, что живы остались, а не жалеть об упущенных острых ощущениях!

Тем временем стражники притащили из переулкa трупы напавших магов.

Увидев лицо одного из них — молодого человека, чьё тело Чи Сянь перерубил аккурат пополам, — мужчина средних лет из числа беженцев потрясенно выдохнул:

— Это же он!..

— Кто? — инстинктивно обернулся к нему Ся Пэньюэ.

— Да это же сын священника Рида! — ахнул кто-то из толпы.

Все мгновенно сопоставили факты. Вот почему на них, простых людей, напали маги! Если за этим стоит семейка Рида, всё встает на свои места. Они ведь стали смертельными врагами для жителей Тахэ. Вполне логично, что священник решил придушить угрозу в зародыше, пока они не набрали силу.

Вдруг Шастер тихо рассмеялся. В его лазурных глазах блеснул опасный, холодный огонек. Мягкая, безобидная аура градоправителя вмиг рассеялась, сменившись леденящей властью.

— С чего вы взяли, будто они покушались на вас? — негромко произнес он. — Совершенно очевидно, что целью этих убийц был я.

Стражники тем временем быстро опознавали трупы один за другим:

— Это сын священника Рида, нареченный зять епископа!

— А это Сатар Хьюз, бастард вице-епископа Хьюза!

— Здесь еще Натаниэль Уильям, младший сын отца Уильяма!

— И Саймон Джеффри, единственный сын вице-капитана Рыцарского ордена Церкви Джеффри!

Словом, все нападавшие принадлежали к элите местного духовенства.

Попытайся беженцы заявить, что напали на них, Церковь устроила бы на них охоту по всему континенту — ведь погибли не просто разбойники, а сыновья высших церковных чинов. И сам собор Кастара вышел бы сухим из воды.

Но если представить это как покушение на законного правителя города...

Шастер получал идеальный повод для ответного удара, и теперь Церкви придется заплатить за эту глупость непомерно высокую цену.

Осознав всю гениальность этого замысла, Ся Пэньюэ и его люди вытаращились на молодого градоправителя. Какая виртуозная подмена понятий! Извлечь выгоду буквально из воздуха, перевернуть всё с ног на голову... Поистине гроссмейстерский ход.

Даже Чи Сянь, вопреки собственному решению держаться от юноши подальше, не удержался от восхищенного взгляда.

— Слушайте мой приказ! — ледяным тоном объявил Шастер. — Отвезите эти трупы на центральную площадь и повесьте на всеобщее обозрение, пусть все узнают об их предательстве. А после арестуйте их родителей, семьи и дочиста проредите их поместья. Конфисковать всё имущество до последнего медного гроша!

Он на секунду задумался и добавил:

— Да, и соседей их тоже взять под стражу.

Ся Пэньюэ тут же вспомнил циничные слова торговца с невольничьего рынка: «У лавки слева отличные связи с Храмом, так что весь их товар — это родственники и соседи еретиков. Самих-то еретиков, конечно, казнят сразу на месте, а вот соседям везет меньше... ну, вы понимаете».

Раз уж Церковь без разбора гребла под одну гребенку близких «грешников», Шастер решил отплатить ей той же монетой. Тем более что на Церковной улице жили сплошь духовные лица и их челядь.

«Градоправитель — просто гений!» — мысленно ликовали земляне. Но они даже представить себе не могли, какой сюрприз ждет их впереди.

Тревожные вести со скоростью лесного пожара докатились до епископа Кастара.

— Что ты сказал?! — взревел епископ Брод, рывком поднимаясь со своего кресла. — Вице-епископ Хьюз, священник Уильям и вице-капитан Джеффри арестованы городской стражей?!

В этот момент в кабинет ворвался разгоряченный капитан Рыцарского ордена Церкви Элиот.

— Этот щенок Шастер объявил нам войну?! — взвыл он с порога.

Ярость Элиота была вполне объяснима: арестованный вице-капитан Джеффри приходился родным братом его любимой фаворитке. Собственно, только благодаря этой постельной протекции Джеффри, будучи посредственным мечником, и умудрился заполучить столь высокий пост.

На их фоне вице-епископ Ричард выглядел образцом хладнокровия.

— Выяснилось ли, на каком основании стража пошла на штурм? — сухо спросил он.

Докладывавший дьякон поспешно закивал:

— Да, господин вице-епископ. По официальной версии, сын священника Риды вместе с младшим сыном отца Уильяма и единственным наследником вице-капитана Джеффри совершили вооруженное нападение на градоправителя посреди улицы.

— Что за вздор?! — лицо епископа Брода потемнело от гнева. — Как эти идиоты могли пойти на такое?! Где они сейчас?

— Убиты на месте каким-то чужаком из Тахэ, — дрожащим голосом ответил вестник. — А их тела прямо сейчас висят на центральной площади города...

— Мы уже допросили священника Риды, — продолжил дьякон. — По его словам, молодежь всего лишь хотела избавить Церковь от нежелательного присутствия отребья из Тахэ. Они просто не знали, что там окажется градоправитель. Из-за суматохи и неудачного ракурса они атаковали, даже не заметив его светлость.

Шастер, разумеется, прекрасно знал истинные мотивы нападавших. Но упускать столь щедрый подарок судьбы не собирался.

— Кретины! Безмозглые кретины! — епископ Брод побагровел, едва сдерживая апоплексический удар.

— Убиты?.. Все до единого? — у капитана Элиота потемнело в глазах.

У Джеффри ведь это был единственный сын. И единственный племянник его обожаемой пассии! Представив, какой скандал зататит ему любовница, Элиот содрогнулся.

Со злости он грохнул кулаком по дубовому столу:

— Мы сотрем этого ублюдка в порошок! Выкатываем рыцарей!

— Заткнись! — рывкнул епископ Брод, на лбу которого вздулись синие вены. — Городская стража теперь целиком подчиняется этому щенку. Ты хоть видел, сколько новых, суровых лиц появилось в их казармах за последнее время?

Не нужно было быть гением, чтобы понять: эти «новички» — закаленные ветераны, бывшие соратники Шастера и покойного герцога Уэльского.

При одной мысли об этом епископ закипал от ярости.

— Я ведь предупреждал тебя: стражники — тоже сила, с которой нужно считаться! Просил не нагнать, когда вы обирали их до нитки. Но нет! Во время нашествия звероловцев вы намеренно выжидали, пока поляжет большая часть гарнизона, а потом бесстыдно присвоили себе всю их славу и награды! Неудивительно, что они при первой же возможности переметнулись к мальчишке.

Если бы не эта глупость, епископу не пришлось бы плести сложную паутину заговоров, чтобы избавиться от нежелательного правителя.

— Хочешь сдохнуть на их копьях — валяй, я держать не стану! — отрезал Брод.

Не будь Элиот единственным великим мечником в их распоряжении, епископ давно бы лишил его сана и должности. Капитан притих, трусливо втянув голову в плечи.

— И что же нам делать? — подал голос вице-епископ Ричард.

Брод со скрежетом сжал зубы:

— А что тут сделаешь? Придется временно уступить и дать этому паршивцу почувствовать вкус мнимой победы.

В этот момент в дверях снова показался испуганный дьякон:

— Ваше Преосвященство... Градоправитель Донахью прибыл в собор.

Уже на следующий день люди Шастера доставили Ся Пэньюэ и его отряду щедрую долю от добычи. Вестник вежливо пояснил, что господин градоправитель считает справедливым разделить трофеи со всеми участниками инцидента.

Конечно, полученные пять тысяч золотых монет были лишь малой частью того, что Шастер выжал из перепуганных святош. С одной только Церкви он стряс тридцать тысяч золотом в качестве компенсации «за моральный ущерб». Что же касается сокровищ, конфискованных из особняков вице-епископа и вице-капитана рыцарей, то законным владельцам вернули лишь жалкие крохи. Львиная доля — более ста тысяч золотых монет и сундуки с драгоценными камнями — бесследно осела в казне ратуши.

Пострадавшие клирики даже не посмели заикнуться о пропавших богатствах. Шастер великодушно сохранил им свободу, но потребовать назад конфискованное золото означало бы публично признаться во взяточничестве и казнокрадстве. В итоге им пришлось довольствоваться лишь той частью имущества, происхождение которой они могли хоть как-то объяснить официально.

Но даже полученные крохи привели Ся Пэньюэ и его спутников в полнейший восторг.

— Какая прелесть! — ликовал Ся Пэньюэ. — Мало того что мы полностью покрыли все расходы на покупку и лечение рабов, так еще и остались в приличном плюсе!

— Но самое интересное знаете что? — Цао Ян хитро прищурился, явно наслаждаясь моментом.

— Ну же, не томи! Что там? — хором отозвались остальные.

— Священника Рида... сама же Церковь и вздернула на виселице за «ересь и предательство»! — расхохотался Цао Ян.

Оно и неудивительно. Трагедия унесла жизни отпрысков влиятельнейших семей города. Сам зачинщик был мертв, поэтому Церкви требовался козел отпущения, на которого можно было бы списать весь этот кошмар.

Ирония судьбы заключалась в том, что инициатором казни выступил сам епископ Брод — несостоявшийся тесть покойного парня. Чтобы обелить себя и отвести подозрения от Храма, Брод лично распорядился не просто вздернуть Рида, но и выбросить его труп на растерзание тигроволкам в диких лесах. Ведь не навяжи епископ свою любимую внебрачную дочь сыну священника Рида, вокруг того не вилась бы золотая молодежь собора, и этой катастрофы никогда бы не случилось.

Услышав эту новость, мужчина средних лет и другие беженцы из Тахэ ошеломленно замерли.

Никто из них в самых смелых мечтах не мог представить подобного финала для своего главного мучителя.

По щекам мужчины покатались слезы, но на губах играла облегченная, выстраданная улыбка.

— Как же хорошо... — прошептал он дрожащим голосом.

Их выбор довериться Чи Сяню оказался единственно верным. Прошло совсем немного времени, а вековой враг уже повержен и втоптан в грязь. Справедливость восторжествовала.

<http://bllate.org/book/20654/2162690>